

КНИГИ НАТАЛЬИ РЕЗАНОВОЙ В RUGRAM:

«ИМПЕРИЯ ЭРД-И-КАРНИОНА»:

Удар милосердия
Я стану алиеной
Дорога висельников
Золотая голова
Шестое действие
Слепая птица
Три тьмы

ПРИНЦЕССА

Крутом одни принцессы
Не будите спящую принцессу
У принцессы век недолог

ИНОСКАЗАНЬЯ

Восемь дней до вавилона
Призрак двенадцатой ночи
Араукана

ИТИЛЬ-ГОРОД

Буй-тур блюз
Трубы и факелы
Провинциальная готика

ИГРА ВРЕМЕН

Ночь Правды
Княжеская Ведьма
Явление Хозяев

ВНЕ ЦИКЛА

Чудо И Чудовище
Ветер И Меч
Уголовный Романс

Наталья Резанова

ТРУБЫ
И ФАКЕЛЫ

Москва
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Р34

Резанова, Н.

Р34 Труббы и факелы / Н. Резанова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 258 с — (Итиль-город).

ISBN 978-5-521-74086-4

Трудно быть хранителем провинциального музея в эпоху финансового кризиса.

Трудно быть хранителем музея, ибо в этом древнем городе, построенном в краях, еще сохранивших память о том, что другие позабыли, хранители знают, что раз в столетия демоны и чудовища, что скрываются в пропастях земли, вырываются наружу, и происходит битва тьмы и света, хаоса и порядка.

А еще труднее определить правильную сторону в этой битве, призвать героя, который сразит чудовище, спасти свой край — и может быть, весь мир, и при этом найти свой спонсоров и выбить государственное финансирование для своего музея!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74086-4

© Наталья Резанова, текст, 2021
© Евгения Аленушкина, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*А на лица свои полагают личины кос-
матья и зверовидныя, и одежду таковую же,
а создади себе утверждают хвосты, яко види-
мыя беси.*

Челобитная нижегородских священников
патриарху Иосафу, 1636 г.

В романе цитируются: произведения П. Мельникова-Печерского,
А. Афанасьева, народные пьесы «Лодка» и «Маврух»,
фольклор Нижегородской области.

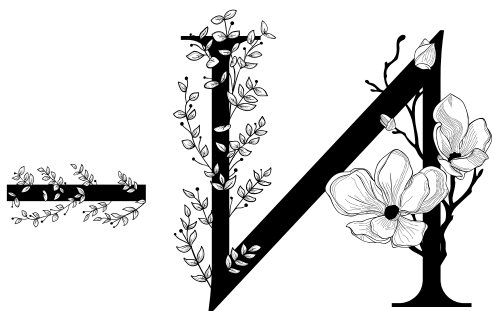
Все персонажи являются вымышленными,
любые совпадения случайны.

Все персонажи славянской, эрзянской и прочих мифологий
этим мифологиям и принадлежат.

ТОЩИЕ КОРОВЫ

*Ты умна, а я идиот,
И неважно, кто из нас раздает.
И даже если мне повезет
И в моей руке будет туз,
То в твоей будет джокер.*

Группа «Крематорий»

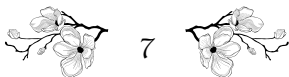

граппы теперь днем с огнем
не сыщешь! А нынешние,
с позволения сказать, сомелье
даже не знают, что это
такое!

— Ну, Екатерина Аркадьевна, — со всей возможной вежливостью сказал Костров, — если в наше время самая большая ваша проблема — отсутствие в продаже граппы, я вам завидую.

От Сасагоновой — она предпочитала именовать себя на псевдонародный лад Катериной — можно было ждать в ответ чего угодно. То, что женщина в ее возрасте и статусе во весь голос способна рассуждать о преимуществах тех или иных алкогольных напитков — и где? — свидетельствовало за себя. Она, например, вполне могла разразиться речью, что работникам сферы культуры более пристало пить граппу, чем ракию или чачу, не говоря уж о родном самогоне. Но она только широко улыбнулась, показав щучью пасть:

— Да пожалуйста, завидуйте...

Кострова передернуло. Эта женщина раздражала его по факту существования. Не говоря уж о манерах и внешнем виде — любая одежда выглядела на ней так, будто была куплена на блошином рынке, даже если эта блошка располагалась в Париже или Барселоне. Впрочем, это чувство определенно возникло после того, как литературно-краеведческий музей, коим заведовал Костров, волею местных властей перевели из ведения городских структур в областные. До этого он с Катериной Сасагоновой, директрисой музея-заповедника «Медвежий Дол», в городе появлявшейся не так часто, почти не пересекался и тем более не конфликтовал. Увы, нынешняя печальная ситуация, когда музеи не могли существовать без дотаций от властей, а дотации эти с каждым кварталом таяли, превратила их в естественных соперников, чтоб не сказать хуже.

Забормотал коммутатор, и секретарша, сидевшая, уткнувшись в экран компа (наверняка зависает во Вконтакте или чем-то подобном), вышла из транса:

— Павел Иванович вас примет.

П.И. Гонобобель, заместитель областного министра культуры, полковник ракетных войск в отставке (хотя говаривали, что будто бы служба Гонобобеля была интендантской, но, может, и врал), пересидел не меньше пяти министров культуры — с тех пор, как в области вообще завелись министры. Под него копали, но безуспешно. Этот лысый толстячок с кустистыми бровями был в своем роде феноменом — он не присваивал казенных денег. Зато и к выделению денег нуждающимся относился так, словно их тянут из его собственного кармана, и цеплялся за них до последнего. Если Катерина напоминала Кострову шуку, то Гонобобель — бультерьера, и порою Кострову приходила мысль: лучше бы П.И. был хапугой, проще было бы договариваться.

Разумеется, он выдаст грант — если выдаст — только под один проект. Кто помоложе и поглупее — полез бы вперед, но нет — пусть сперва Катерина устраивает цирк с конями, а Костров посидит и подождет.

Головной болью местных чиновников от культуры Медвежий Дол и его директриса стали в конце прошлого тысячелетия. Тогда в сферах почти заоблачных свершилась перекройка территориальных границ, в результате чего от сопредельной Черемисской автономной республики отчекрыжили целый район и пришили к Итильгородской области. По той причине, что этот район, а до того уезд всегда принадлежал к Итильгородской губернии и черемисам его подарили только после войны. А имелись там помимо лесов и буераков, свойственных всему региону, пароходная пристань, приписанная к райцентру Великая Сить (в прошлом — образцовый совхоз имени красной революционерки Марьяны Берг), да музей писательской династии Медвежих. Одновременно он являлся усадьбой-заповедником князей Длиннопястных. Князья эти сидели в тамошних лесах с незапамятных веков, но со временем захудали, их вотчина Великая Сить, тогда еще богатое торговое село, еще в середине XIX века была продана государству, а из всех имений осталась только деревенька Медвежий Дол и господский дом. Последний отпрыск княжеской фамилии, однако, сумел продвинуться на литературном поприще и снискал определенный успех как сатирик и критик Дмитрий Медвежий. После революции он не только выжил, но и сумел сохранить за собой имение, представив новым властям свидетельство о том, что никакой он не классово чуждый князь, а приемыш, рожденный от кухарки Матрены Степановой и заезжего студента Матвея Зинзивера. Определенную роль сыграла и охранный грамота, выданная Медвежему со всем семейством легендарной комиссаршей Марьяной Берг. Она со своими ушкунниками и жителями Великой Сити обороняла окрестности от белочехов, сумевших прорваться сюда из Сибири.

Дмитрий Медвежий после этих бурных лет переквалифицировался из сатириков в детские писатели и стал в этой области весьма знаменит, главным образом как автор любимой многими поколениями детей сказки «Зеленая Бабушка».

Потомки Медвежего также вошли в историю литературы. Сын Никита тяготел к военно-морской тематике и создал мону-

ментальную эпопею «Линкоры и броненосцы», но главным образом был уважаем читателями как военный корреспондент. Он был приписан поначалу к Северному, а потом к Балтийскому флоту, и газеты с его репортажами в военные годы буквально рвали из рук. В конце 50-х он скоропостижно скончался от болезни сердца. Внучка Флора, взраставшая в тени знаменитого деда и безупречного отца, сумела найти свою нишу в отечественной культуре и даже в определенный период затмила славных предшественников. Она стала активной диссиденткой, выпускала машинописные журналы, где всячески клеймился кровавый большевистский режим. Дабы не упрекнули авторессу, что режим оставил в ее распоряжении княжеское имение, Флора Никитична в доме не жила, объявив его музеем. А себе приспособила под жилье дровяной сарай. Все книги Ф.Н. Медвежей выходили за рубежом и по понятным причинам не приносили ей дохода. Она жила на наследственные отчисления с переизданий детских книг деда и «Линкоров и броненосцев». После того, как рухнула ненавистная Флоре Никитичне власть и отчисления перестали поступать, зарубежные издатели могли бы и выплатить ей положенное, но она то ли не умела требовать гонорары, то ли не хотела. Лишившись главной цели в жизни, она умерла.

В 90-е годы усадьба пришла в полное запустение, и только удаленность от больших городов помешала имению попасть в руки какого-нибудь нувориша. Дом тихо разрушался, пока не появилась невеста откуда взявшаяся дама с дипломом доктора филологических наук, манерами городской сумасшедшей и чудовищной хваткой.

Катерина Сасагонова добилась, чтоб дом был отремонтирован и музей вновь заработал. О том, как выбивались фонды, рассказывали легенды. Катерина непостижимым образом вырвала у иностранных издателей пресловутые гонорары Флоры Никитичны. Разумеется, не сразу. Те утверждали, что не извлекали из публикаций сочинений диссидентки коммерческой выгоды, наоборот, вкладывали в это предприятие собственные средства, да и вообще неизвестно, кто кому обязан платить. Тут пошли какие-